

безъ удовлетворенія эту священнѣйшую
ь. Стыдно намъ будетъ, если кто
хоть земство, возьмется за это дѣло:
какъ мы, пастыри церкви, должны быть прямыми руководителями
народа.

30 янв. При недостаткѣ христіанскихъ понятій въ народе
множество суевѣрій—обычное явленіе. Нужно же чѣмъ-то
наполнить душу, жаждущую истины. При незнаніи молитвы—
ществуя у нѣкоторыхъ свои молитвы; нѣкоторымъ самозван-
леннымъ молитвамъ суевѣрное мнѣніе приписываетъ чью-то
чудодѣйственную силу. Вотъ, напр., молитва, которую читаютъ
коновалы при заговорѣ крови: „Идетъ Михаилъ Архангелъ, го-
„пасть изъ ступени въ ступеню, говорить изъ слова въ слово,
„уймися кровь жильная, полужильная и стамовая и полуст-
„мовая“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уроженецъ Юрьевецкаго уезда

Протоіерей Ксенофонтъ Бронзовъ.

(некрологъ).

25-го февраля въ Костромскомъ кафедральномъ соборѣ со-
вершено было погребеніе заштатнаго протоіерей этого собора
о. Ксенофонта Дмитріевича Бронзова.

Напомнимъ читателямъ нашимъ, хотя кратко, нѣкоторыя
свѣдѣнія о жизни покойнаго, помѣщенныя въ „Костр. Ед. И-
домостяхъ“ четыре года тому назадъ (Костр. Ед. Вѣд. 1896 г.
№ 24, ч. неоффид.), по случаю исполнившагося въ этомъ году
29-го сентября пятидесятилѣтія со дня его опредѣленія на ду-
ховно-училищную службу.

Покойный родился 19-го января 1821 г. Сынъ причетника
села Архангельскаго, Юрьевецкаго у., Дм. Прок. Весеоловскаго
покойный о. Ксенофонтъ получилъ первоначальное образованіе
въ бывшемъ Луховскомъ дух. училищѣ, потомъ поступилъ въ
Костромскую дух. семинарію (въ 1836 г.), а въ 1841 г. по
годъ до окончанія семинарскаго курса, какъ лучший ученикъ
отправленъ былъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую ду-
хадемію, куда и принятъ былъ въ составъ XVI курса. Окон-
чивъ здѣсь курсъ со степенью старшаго кандидата и съ правами

на полученіе степени магистра, по представленіи курсоваго со-
вѣщенія, онъ опредѣленъ былъ на духовно-училищную службу
въ Костромскую дух. семинарію помощникомъ ректора по учеб-
ной части. По вступленіи въ должность, кандидатъ Бронзовъ,
до порученія начальства, преподавалъ сначала пастырское бого-
словіе, потомъ гомиетику, а затѣмъ, за неимѣніемъ долгое вре-
мя различныхъ преподавателей по 2-му классу высшаго отдѣле-
нія, преподавалъ и всѣ прочія богословскія науки, какъ-то: дог-
матическое богословіе, нравственное, обличительное, пастырское
богословіе и, кромѣ того, священное писаніе въ философскомъ
классѣ. Преподавая эти науки, покойный долженъ былъ выно-
сить громадную массу труда, такъ какъ не только учебниковъ
по этимъ предметамъ, но по нѣкоторымъ изъ нихъ не было на
русскомъ языкѣ даже источниковъ. Но онъ не жалѣлъ трудовъ
и, какъ вспоминаютъ его бывшіе ученики, всегда пользовался
репутацией преданнаго своему дѣлу, умнаго и энергичнаго пре-
подавателя, къ урокамъ котораго ученики относились съ боль-
шимъ интересомъ и вниманіемъ; а послѣ ревизій, назначавших-
ся правленіемъ Московской дух. академіи, каждый разъ полу-
чалъ отъ академическаго правленія благодарность за уснѣшное
преподаваніе. Кромѣ преподавательскихъ обязанностей, о. Брон-
зовъ нѣкоторое время несъ еще должность бібліотекаря семина-
рии и, кромѣ того, члена комитета для разсматриванія катихи-
зическихъ поученій духовенства епархіи.

Въ 1850 г. преподаватель Бронзовъ принялъ священный
санъ и опредѣленъ священникомъ къ Алексѣевской ц. г. Ко-
строми, а въ слѣдующемъ году награжденъ набедренникомъ.

Въ 1857 г. о. Бронзовъ оставилъ семинарскую службу и
былъ опредѣленъ священникомъ къ кафедральному собору и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ назначенъ смотрителемъ духовнаго училища, чле-
номъ дух. консисторіи и цензоромъ проповѣдей; послѣднюю долж-
ность покойный исправлялъ до 1888 г. При этомъ еще онъ не-
однократно и подолгу исполнялъ должность ректора семинарии,
за безмездное и уснѣшное исполненіе коей возведенъ въ 1857 г.
въ санъ протоіерей.

Должность смотрителя училища о. Бронзовъ исправлялъ съ
1857 по 1878 г. Въ теченіе этого, столь продолжительнаго вре-
мени ему, какъ начальнику заботливому и внимательному въ
исполненію своихъ обязанностей, приходилось нести бремя не-
прерывныхъ и тяжелыхъ трудовъ. Особенно много труда, энер-
гіи, благоразумія и опытности на этой должности потребовалось
отъ него въ концѣ 60-хъ годовъ, когда (въ 1867—1869 гг.)
введенъ былъ новый уставъ, потребовавшій въ своемъ примѣне-

ніи къ учебно-воспитательному дѣлу много вдумчивости для рѣшенія различныхъ новыхъ вопросовъ и неослабной деятельности въ ходу дѣла. Сплотивъ въ тѣсный союзъ около себя личную корпорацію и направивъ ее къ общей цѣли — достиженію успѣшныхъ результатовъ въ учебно-воспитательномъ служебнѣн, о. протоіерей особенно занялся устройствомъ училищной бібліотеки, справедливо полагая въ ней одно изъ важнейшихъ средствъ къ возвышенію уровня развитія учениковъ, для чего въ первыхъ же порахъ испросилъ у окружнаго сѣзда духовенства потребную сумму. Заботливый и внимательный къ учебно-воспитательному дѣлу, о. протоіерей немало сдѣлалъ и для материальнаго благосостоянія училища. Благоразумно-бережливый въ расходованіи училищныхъ суммъ, онъ за время отъ 1863 до 1875 г. изъ остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній составилъ довольно большой училищный капиталъ въ 36000 р., часть котораго (30000 руб.) употреблены на покупку каменнаго двухэтажнаго дома на Павловской улицѣ съ такимъ количествомъ земли, на которомъ, кромѣ построеннаго уже новаго училищнаго зданія, могутъ быть построены еще нѣсколько новыхъ зданий и разведенъ обширный садъ. Покупка этой земли, равно какъ самаго дома, состоялись не безъ содѣйствія покойнаго о. протоіерея.

Въ 1878 г., согласно прошенію, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, о. протоіерей Бронзовъ отъ должности смотрителя училища уволенъ.

На епархіальной службѣ, кромѣ ревностнаго исполненія пастырскихъ обязанностей по кафедральному собору, въ 1859 г. за попеченіе и труды по приведенію холоднаго и теплаго храмовъ кафедральнаго собора въ видъ очень благолѣпный получилъ, вмѣстѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ и влюбленнымъ искреннюю отъ преосвящ. Платона благодарность; въ два срока служилъ членомъ Костром. д. консисторіи (съ 1857 по 1867 г. и съ 1885 по 1889 г.); по избранію духовенства Костром. уезднаго округа, въ 1879—1883 гг. былъ депутатомъ на окружные и епархіальные сѣзды духовенства и членомъ въ педагогическомъ и распорядительномъ собраніяхъ правленія Костром. семинаріи; съ 1883 по 1889 г. былъ предѣвателемъ взаимнаго національной комиссіи для испытанія ищущихъ священнослужителей лица, не окончившихъ семинарскаго курса.

Во все продолженіе своей многолѣтней отличной и усердной и полезной какъ епархіальной, такъ и духовно-учебной службѣ о. протоіерей получалъ, сверхъ упомянутыхъ выше, слѣдующія награды: бархатную фіолетовую скуфью и камилавку, золотыя

наперсный крестъ и палицу; Всемилоостивѣйше пожалованъ орденами св. Анны 3 и 2 степени и св. Владиміра 4 и 3 степ. Въ 1887 г. граждане г. Костромы, въ память тридцатилѣтія служебнаго его въ кафедр. соборѣ, поднесли ему наперсный крестъ съ ображеніями.

Болезненное состояніе о. Ксенофонта началось параличомъ, которому онъ подвергся къ первый разъ въ октябрѣ 1887 г.; по здоровью его послѣ того было еще настолько удовлетворительно, что онъ продолжалъ состоять на службѣ при соборѣ до 1890 г. и только 6 ноября этого года былъ уволенъ отъ служебнаго въ соборѣ. Но и послѣ сего о. Ксенофонтъ долгое время былъ на столько бодръ, что не только выходилъ изъ дома, но и могъ служить литургію, каковую онъ и совершалъ въ великіе праздники отчасти въ соборѣ, отчасти въ другихъ церквахъ г. Костромы. Только въ декабрѣ прошлаго 1898 года онъ почувствовалъ себя настолько нездоровымъ, что уже не могъ совершать въ праздникъ Рождества Христова литургіи, хотя еще былъ на ногахъ и даже въ день своего ангела, 26 января, принималъ поздравленія. Болезнь, приблизившая его къ смерти, была ракъ печени и сказала въ немъ сначала отсутствіемъ аппетита. 4 февраля о. Ксенофонтъ пожелалъ собороваться, предварительно исповѣдавшись и причастившись. Во время совершенія елеосвященія онъ сидѣлъ на стулѣ. 19 февраля, т. е. за четыре дня до смерти, покойный, почувствовалъ себя очень дурно, просилъ прочесть ему канонъ на исходъ души. Когда послѣ сего, для возбужденія ослабѣвшей дѣятельности сердца, ему было оказано медицинское пособіе и оттого ему сдѣлалось нѣсколько легче, то онъ сказалъ окружающимъ его: „Что это вы со мной дѣлаете? Я уже думалъ, что умираю... Вамъ хочется, чтобы я жилъ, да я-то этого не хочу“. Такимъ образомъ смерть застала его не только подготовленнымъ, но и явилась для него желанною. Послѣдніе дни своей жизни покойный провелъ въ полномъ сознаніи, которое покинуло его едва за нѣсколько минутъ до смерти. Не смотря на жестокія физическія страданія, какия причиняла ему болѣзнь въ послѣднемъ своемъ развитіи, онъ, вполне увѣренный въ неизбежности рокового исхода, нисколько не страшился смерти, встрѣчалъ ее съ истинно-христіанскимъ мужествомъ и даже, какъ мы видѣли, желалъ скорѣйшаго ея наступленія. „Царица небесная! Скоро-ли конецъ? Да поскорѣй“, произносилъ онъ, лежа на смертномъ одрѣ. И въ то же время съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ давалъ окружающимъ распоряженія до мельчайшихъ подробностей относительно погребенія, устройства гроба, приготовленія могилы, удостовѣренія

черезъ врача въ дѣйствительности смерти и т. п. 21 февраля врачъ, вечеромъ, наблюдавшій за теченіемъ болѣзни о. Ксенофонта, объявилъ, что смерть должна наступить чрезъ два-три часа, т. е. около 12 часовъ ночи. Всю ночь и наступившаго утра близкіе родственники не отходили отъ постели умирающаго, силы котораго постепенно падали; но сознание еще не покидало его, такъ что онъ могъ узнать прибывшую въ это утро съ поѣздомъ желѣзной дороги свою впуку. Съ 12 часовъ для 22-го февраля дыханіе слышалось рѣже и чрезъ полчаса о. Ксенофонть тихо, безъ всякихъ предсмертныхъ страданій отошелъ въ Господу.

Погребеніе было совершено 25 февраля на Крестовоздвиженскомъ кладбищѣ, гдѣ въ 1854 году была погребена жена покойнаго, бывшаго въ то время священникомъ при Александро-едральномъ соборѣ и за нею отпѣваніе совершалъ Преосвященнѣйшій Виссаріонъ, Епископъ Костромской и Галичскій, въ сослуженіи всего городского и нѣкоторыхъ лицъ изъ уѣзднаго духовенства. Надгробное слово говорилъ духовный отецъ покойнаго, прот. Богословской на Каткиной горѣ церкви о. Варсонофій Донской. Во время пребыванія тѣла въ домѣ, съ 22 по 25 февраля, каждодневно совершалось по нѣсколько панихидъ. 23-го февраля панихиду совершалъ самъ Архипастырь, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

По поводу помѣщенной въ № 25 „Костромского Листка“ статьи „о санитарномъ осмотрѣ духовной семинаріи“.

При всемъ нашемъ перасположеніи препираться съ повѣстнымъ репортеромъ „Костромского Листка“ и глубокомъ уваженіи къ г. н. д. Костромскаго губернскаго врачевнаго инспектора М. А. Невскому, давшему репортеру матеріалъ для вышепомянутой статьи о нашей семинаріи, мы однако, въ видахъ возстановленія истины, рѣшаемся дать нѣкоторое разъясненіе по этому поводу.

Статья „о санитарномъ осмотрѣ духовной семинаріи“, напечатанная въ № 25 „Костромского Листка“ и подписанная „Очевидцемъ“, имѣетъ подкладкою дѣйствительный осмотръ семинаріи, произведенный 7 минувшаго февраля н. д. Костромскаго врачевнаго инспектора г. М. Невскимъ. Статья во многомъ копируетъ докладъ г. Невскаго губернатору отъ 11 февраля; имѣетъ кое что и свое, придуманное авторомъ, по всей

дѣйствительности, для усиленія впечатлѣнія въ читающей публикѣ. Авторъ статьи называетъ себя „Очевидцемъ“ осмотра семинаріи; но очевидно онъ ни въ какомъ случаѣ быть не могъ по тому, что осмотръ производился г. Невскимъ безъ постороннихъ лицъ, въ присутствіи только семинарскихъ: инспектора В. И. Покровскаго, врача Н. В. Комаревскаго и эконома священника П. А. Кроткова, которые про себя въ газетѣ печатать, конечно, не рѣшатся. Нельзя предполагать, чтобы это рѣшился сдѣлать и самъ г. Невскій, какъ лицо служебное и столь почтенное. Буквальное же во многомъ сходство статьи съ докладомъ г. Невскаго губернатору даетъ основаніе думать, что мнимый очевидецъ для составленія своей статьи воспользовался подлиннымъ докладомъ, списавъ съ него копию въ то время, когда докладъ проходилъ чрезъ разныя канцеляріи (губернаторскую, губернскаго правленія и самого инспектора Невскаго). Во всякомъ случаѣ все то, что въ газетной статьѣ помѣщено сверхъ доклада г. Невскаго, составляетъ вымыселъ корреспондента и не соответствуетъ дѣйствительности. Помѣщены въ статьѣ, напр., слѣдующія фразы, не встрѣчающіяся въ докладѣ г. Невскаго: „Писсаровъ и ватеръ-клизетовъ... крайне мало (10—12 на 600 (нужно бы сказать: на 528) человекъ во время классныхъ занятій, тогда какъ на каждаго 10 челов. слѣдовало бы имѣть ватеръ-клизетъ“) (т. е. до 60?)... „Во всемъ корпусѣ семинаріи замѣчается очень душный воздухъ и большое количество грязи“ и т. п. Съ другой стороны, авторъ—мнимый очевидецъ осмотра замалчиваетъ нѣкоторые отзывы г. Невскаго, такъ какъ они говорятъ въ пользу хорошаго санитарнаго состоянія семинаріи; не говоримъ, наприм., о замѣченномъ г. Невскимъ хорошемъ столѣ воспитанниковъ и о чистотѣ въ столовой, найденной во время самаго обѣда ихъ. Но оставимъ въ покоѣ непозваннаго репортера, укрывшагося подъ псевдонимомъ „Очевидецъ“.

Къ великому нашему удивленію, и г. Невскій, давшій репортеру желанный матеріалъ для статьи въ газетѣ, не брезгающей никакими сплетнями, при нынѣшнемъ санитарномъ осмотрѣ семинаріи отнесся къ дѣлу особенно немилостиво, даже придирчиво. Мы говоримъ это потому, что г. Невскій съ нашей семинаріей знакомъ больше 20 лѣтъ, принималъ съ прочими Костромскими врачами въ семидесятыхъ годахъ, при передачѣ семинаріи отъ подрядчика Тидена духовному вѣдомству, участіе въ осмотрѣ ея и одобреніи со стороны гигиеническихъ условий, производилъ въ 1894 г. формальный осмотръ, подобный нынѣшнему, и никогда не отзывался о ней такъ строго, какъ